

12+

Ольга
Яворская

**РУКИ МОИ,
НЕ ОПУСТИТЕСЬ...**

Ольга Яворская
Руки мои, не опуститесь...

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Яворская О. В.

Руки мои, не опуститесь... / О. В. Яворская — «ЛитРес: Самиздат», 2010

"Руки мои, не опуститесь..." - продолжение книги "Надежда не умирает никогда", где автор рассказывает о сложном пути провинциальной девчонки, мечтающей стать врачом. Несмотря на препятствия и сложности, возникающие перед ней в достижении своей цели, главная героиня Екатерина Бондарь, не падая духом, преодолевает их. Искренне веря в Бога и получая поддержку, она приобретает новые силы после каждого испытания. В оформлении обложки использована иллюстрация члена Союза Художников - Валь Н.В., выполненная по индивидуальному заказу в 2017 году.

Ольга Яворская

Руки мои, не опуститесь...

Руки мои, не опуститесь...

*Ангеле Божий, хранителю мой святой,
живот мой соблюди во страхе Христа Бога,
ум мой утверди во истинном пути,
и к любви горней уязви душу мою,
да тобою направляем, получу от
Христа Бога велию милость.
(«Канон Ангелу Хранителю»)*

I

«Просто пытка какая-то», – напрягая в который раз остатки разума, Екатерина, борясь с собой, собиралась на очередной визит к главному врачу престижной городской больницы устраиваться на работу. Надо изо всех сил где-то начинать свою врачебную деятельность. Сынок подрос и успешно, как по волшебству, получилось отправить его в ясли-сад, которые расположились практически рядом с домом. У мужа на работе тоже складывалось более-менее все удачно, то есть все были при деле, кроме, конечно же, опять ее, Катьки.

«Господи, как же не хочется идти в эту больницу! Опять фальшивые улыбки, подозрительные взгляды, не доброжелательные лица врачей. Все! Хватить ныть. Надо хотя бы пристроиться на время (какое идиотское слово – «пристроиться»), а потом что-нибудь присмотрю посерьезнее». – Она заставляла замолчать ноющее сердце, ударяя разумом по нему еще и еще раз, но сердце отказывалось воспринимать происходящее вокруг. Оно отказывалось опять входить в кабинет главного врача, где большими жирными черными буквами, модным на то время компьютерным шрифтом было приклеено на стене изречение ровненько над головой руководителя:

«Входи тихо.

Проси мало.

Уходи быстро».

Сердце бастовало, оно не хотело работать под руководством этой надписи. Да и работу предлагали одну и ту же: врач физиотерапевтического кабинета. Устроиться врачом, имея городской медицинский институт на 1996 год, да еще и после развала страны Советов без так называемого блата было невозможно. Конечно, это была не единственная больница в городе, но Сашин и Катькин «блат» вел только туда, и других путей для них не было.

– Вы ко мне? Давайте быстренько, не задерживайте меня. Вы от Петра Семеновича? – Скороговоркой выплевывая слова, пронеслась мимо смиренно сидящей в приемной Катьки грузная женщина с грозным взглядом. Это была главный врач – Якимова Елена Мстиславовна – хозяйка надписи в кабинете. Екатерина, молча, зашла следом и глазами уперлась в зловещее изречение.

– Ну что, надумали? А то у меня уже два человека на это место просятся! – Надпись на стене смеялась в лицо Катьке. Она переломила взгляд и обратилась к взъерошенной и вечно куда-то опаздывающей «царице больницы».

– Елена Мстиславовна, пожалуйста, посмотрите еще что-нибудь. Это очень легко для меня. Я не с этой профессии хочу начать врачебную карьеру. Я могу и переспециализироваться – невролог, эндокринолог, кардиолог – хотелось бы что-то более значительное и интересное. Я буду работать с двойной нагрузкой, но только что-нибудь из узких специальностей.

– Да у меня таких пруд пруди. Что вы мне голову морочите? Нет вакансий. Я итак навстречу вам иду, а ей еще не нравится. Только из уважения к Петру Семеновичу. Соглашаетесь или нет? – Она нервно посмотрела на часы. – Мне уже надо быть на медсовете. Ну?

– Извините меня, пожалуйста, что оторвала вас от дел, но я не могу. Я поищу еще в другом месте, – Катька с ненавистью посмотрела на надпись и мысленно попрощалась с ней.

– Конечно, милочка, дерзайте! Удачи вам, – радостно-сокрушающимся тоном отчеканила Елена Мстиславовна. – Только время зря потратила, – с жалостью воскликнула она, когда за Катькой закрылась дверь.

«Ну и пусть! Я все равно не смогу подстроиться. И что это еще такое? Для кого-то физиотерапия и может быть пределом мечтаний, но только не для меня. Вокруг такие просторы!» – Екатерина шагала по направлению к дому, мысли не оставляли ее: «Я хочу большего, и я знаю, что у меня получится. Я должна найти занятие по душе. Сначала надо выбрать другую больницу. Мне всегда нравилась первая городская, и учиться там было приятнее, и атмосфера живая, и фальши не чувствовала там никогда. Старая она только, больше ста лет, и считается среди студентов не престижной. Ну, так будем делать престижной, на то мы и молодые кадры! Так, решено: цель – первая больница». – Катька расправила ссутулившиеся плечи и с улыбкой залетела в подъезд своего дома.

Первая – то первая, но там ее никто не ждет. А таких, как она, «пруд пруди», по словам Якимовой.

II

– Я знакома с главным врачом первой городской. Очень хорошо ее знаю, даже несколько раз за одним столом сидели на пьянках-гулянках в день медика, – чеканила в телефонную трубу ошалевшей Екатерине уже сложившаяся в городское светило как психотерапевт подружка Алка (никогда неумолкающая и всезнающая птица-говорун). Время после окончания института разделило, разбросало, изменило многое в их жизни, но привязанность и дружеские, практически до любви друг к другу отношения только укрепило. Встречались реже, но телефон – спасение. Долго на приветственные лобызания время не тратили, а конкретно по делу, чем помочь, быстро приехать – сколько угодно.

– Ну, так вот. Ее зовут Шапкина Ольга Ивановна, – продолжала Алка. – Я ей звоню, она тебя принимает. Обговариваете, что к чему. И не будь идиоткой. Сиди смиренно и со всем соглашайся. Я сама ее предупрежу, что ты девушка непростая.

– Что значит непростая? – успела вставить Катя.

– То, что тебе только поле показать и дать мотыгу в руки. И главное быстро успеть отбежать, чтобы не задела в порыве своего «трудолюбия», – хохотнула она, намекая на яркие стройотрядовские рабочие эпизоды, которые ничем уже из памяти не выжечь. – Я тебя, подруга, на всю жизнь запомнила, – продолжала она хохотать в трубку. Катька тоже улыбнулась, но как-то грустно стало, совсем мало времени прошло с институтских пор, а кажется, как будто целая жизнь пролетела.

– Ладно, хватить ржать, как конь на пастбище, – перебила ее Катька. – Буду ждать твоего звонка. Замуж уже скоро будешь выходить? – Вопрос не застал врасплох. Армянская диаспора тщательно подыскивала умнице и красавице с высшим медицинским образованием и большими перспективами подходящего мужа. Ее полнота никого не смущала, она (полнота) была Алкиной, то есть все, что в ней было ЕЕ – будоражило и восхищало. А сама Алла Альбертовна была всеобъемлющей любимицей публики, причем разношерстной, и умела собирать такие

огромные компании, что не было видно горизонта, и успевать всех и все расставить по своим местам, да и еще и главенствовать над всем сборищем.

– Конечно, скоро, – быстро ответила подруга. – Выбирать уже устала. Пора останавливаться и строить новую жизнь.

– Не торопись. Сначала чувства, а потом все остальное, – нерушимым голосом продиктовала Катерина.

– Все уже давно знаю, записала и выучила наизусть, – перебила ее Алла. Хочу такую любовь, как у вас с Сашей. Нет, еще лучше хочу.

– Значит так и будет. Все, надо идти за сыном в сад. До звонка. Целую.

– Цем – цем. Жди, – томным голосом ответила подруга.

Алвар (Алла по-армянски) Альбертовна тоже была девушкой стремительной, и звонок от нее не заставил ждать. Через день Катерина уже сидела в приемной главного врача первой городской больницы и сидела уже долго. Второй час ожидания стал навевать нехорошие мысли: «А вдруг эта птица-говорун опять что-нибудь перепутала, и она здесь тоже никому не нужна? Разве можно столько заставлять ждать?» Ольга Ивановна сама назначила ей время к 9 утра, а уже одиннадцатый час. Катька любила время и дорожила им. Сомнения по поводу организации рабочего дня складывались в Катиной голове не в пользу работоспособности главного врача такой огромной больницы. Если нет порядка в делах главного, то что же тогда творится на нижних ступенях? Катькин мозг быстро анализировал ситуацию: «Встать и уйти? А что дальше тогда? Терпи, сиди. Буду ждать до последнего».

Люди заходили в кабинет, выходили красные и взъерошенные, вдогонку им вылетали из кабинета грозные ругательные слова главной, и дверь снова захлопывалась. Секретарь тоже сидела как на гвозде – в приемной царил нервная обстановка, но Катьку это абсолютно не трогало. Она без интереса наблюдала за входившими и выходившими работниками с ощущением какой-то жалости к ним. Что творилось в кабинете, и какие разговоры велись у Ольги Ивановны, не позволяли прослушивать толстые двойные деревянные двери. И сама постройка административного корпуса, где, видимо, располагались все кабинеты руководящего состава больницы, была старинным двухэтажным особняком, но с плохим внутренним ремонтом и с какой-то ветхостью, что ли. «Больница-то старая. Что с нее взять? Да еще и страна разрушилась, помощи ждать не от кого. Все разворовано за последние несколько лет, пока Екатерина рожала, воспитывала и растила сына. Все эти годы, заполненные кошмарными криками малыша, тремя его грыжами, двумя оперированными, тремя пневмониями, бесконечными отитами и простудами, ударили так по сознанию, что когда пришлось восстанавливать и перестраивать мозг на рабочий лад, определив своего крикливого любимца в детский сад, Катька уже столкнулась с совершенно другой реальностью. На дворе царил 1997 год. Мир вокруг изменился ровно, как говорят, на 180 градусов. Другие ценности, непонятно откуда взялось платное обучение в вузах, и люди какие-то другие – взбалмошные, с потухшими глазами и уставшими лицами. Как это все так быстро могло произойти?»

Она, находясь в панцире своей огромной любви и получения плода этой любви, через три года увидела совсем другую, незнакомую ей страну, в которой первое, что почувствовалось – отсутствие упорядоченности и рациональности. На нее как-то сразу свалилась рваная, хаотичная, турбулентная рутина жизни вне ее семьи, к которой нужно было или привыкнуть, или подстроить под себя, чтобы хотя бы не сойти с ума в этом всеобщем хаосе. Надо искать выходы, вливаться в эту жизнь постепенно, не навредив сознанию. И первая ступенька «вливания» – это, конечно же, устройство на работу, – размышляла Екатерина в подаренное ей время просиживания около кабинета главного врача первой городской больницы.

Мысли прервала секретарь.

– Заходите. Вас зовут, – она уже с жалостью смотрела на Екатерину. Время на часах было 11 часов 15 минут.

– Спасибо, – коротко ответила она. «Хорошо же я здесь задержалась, – промелькнуло в голове, – и что же дальше?».

Екатерина решительно открыла одну за другой двери и смело вошла в кабинет. Вид главной уже ничем не отличался от лиц выходявших из ее кабинета сотрудников. Средних лет, одутловатое лицо, темные, средней длины взъерошенные волосы, выпученные глаза с уставшим и злым взглядом. Она что-то порывисто кричала в телефонную трубку, одновременно жестикулируя в Катькину сторону, чтобы та садилась. Кабинет показался ей огромным. Хороший ремонт (в голове промелькнуло недавно появившееся слово «евро»), не заметить было нельзя, новые столы, выстроенные буквой «Т», красивые стулья. Большие окна с длинными занавесками пропускали много света, полированные стеллажи с красивой посудой, ковровая дорожка – все выглядело не дурно. Только растрепанная женщина никак не вписывалась в этот антураж. Громкий голос с кучей выплескивающихся из уст ругательств, представлял атмосферу вокруг завядшей и унывной.

Екатерина присела ближе к центру «Т» и внимательно смотрела на лицо Ольги Ивановны.

– Не хотят работать, хоть разорви их, – кинула она в сторону Катки и швырнула трубку.

Теперь сама главная очень внимательно посмотрела в глаза вошедшей, «желающей» у нее работать.

– Так, вы терапевт, на участок не хотите, для вас нужно что-то из узкой специализации, – порылась она в памяти, не отводя взгляда от глаз Екатерины.

– Да, точно так, – кивнула она в ответ.

– Я могу предложить вам специализации окулиста, кардиолога или подросткового терапевта, – сделав паузу, Ольга Ивановна ждала ответ.

Катя задохнулась: не может быть! Она не ослышалась? Конечно, кардиолог! Это не просто счастье, это мечта. Слезы навернулись на глаза, но тут же она взяла себя в руки. Эта женщина слезы не простит.

– Кардиолог, – выпалила она, уже с восхищением глядя на главную и еще не веря, что это получится. – Я вам буду очень благодарна, – продолжила она.

Ольга Ивановна криво усмехнулась и взяла в руки телефонную трубку:

– Галина Ивановна, подойдите ко мне и Светлану Алексеевну захватите с собой.

Ждать пришлось недолго. Как по волшебству в кабинете почти мгновенно появились две женщины в белых халатах. Ольга Ивановна быстро представила им Екатерину. Они были, как показалось Кате, одного возраста. Одна, полноватая, с серьезным выражением лица была заведующей поликлиники. Вторая, очень ухоженная женщина – начмедом больницы. Они, даже не осмотрев Катю, тут же стали внимательно слушать начальника. Разговор шел о том, что нужно освободить какие-то полставки под кардиолога, что это сделать не просто, но НАДО, как резко сказала главный врач. И еще о том, что нужно организовать учебу по специальности, а платить за нее будет сама Екатерина, так как таких возможностей больница не имеет. Тут все посмотрели в ее сторону. Катка переводила взгляд с одной на другую и только кивала в ответ.

– А когда я смогу начать работать? – выдавила она из себя.

– Когда проучитесь, дорогая моя, – расплывчато ответила Ольга Ивановна, – когда проучитесь. Учеба стоит дорого по нашим временам. Осилите? Мы за вас платить не собираемся. А вдруг, вы выучитесь и куда-нибудь захотите в другое учреждение? А мы с но-о-о-сом, – зло улыбнулась она. – Вы свободны, – обратилась она к заместителям.

Когда за ними закрылась дверь, главврач строго посмотрела на Екатерину и, тщательно выбирая слова, стала рассказывать план действий:

– Вы оплачиваете учебу сама на базе областной клинической больницы, но оформляем мы вас по направлению от больницы. Для этого вам до начала учебы, то есть до 1 сентября,

надо устроиться к нам хотя бы на должность участкового терапевта недели на две-три, то есть где-то в августе. – Она внимательно следила за Катькиной реакцией.

Обалдевшие от привалившего счастья глаза Екатерины были готовы на все. Сумма денег, которую ей надо где-то взять, занять или попросить, беспокоила мало. Перед ней на протяжении всей ее жизни ровным щитом всегда стояли оба брата, которые ради нее на ВСЕ, и теперь муж, который так же, как и она заинтересован в реализации ее как врача.

– Но посмотрите, как получается, – продолжала Ольга Ивановна, – вы поработаете участковым всего небольшой отрезок времени. Мы, конечно же, заплатим вам за это, но учиться нужно три с половиной месяца. Вы будете отсутствовать на рабочем месте в связи с учебой, конечно, но мы должны будем выплачивать вам зарплату все месяцы обучения, так как направляет вас наша больница. Вы понимаете меня? – Она строго посмотрела на Екатерину.

– Да, понимаю, – не понимая, что она еще должна понять, в тон ей ответила Катя, глядя на нее горящими глазами.

Ольга Ивановна вздохнула и покривилась:

– Больница должна будет платить вам за то, что вы у нас числитесь участковым терапевтом, пока вы учитесь, – раздраженно сказала она. – Вы во время обучения не будете работать у нас. Почему и кому мы должны платить зарплату? – Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на часы.

Екатерина с недоумением глядела на главную и, как ей показалось, в голову пришло единственное рациональное и правильное решение, которое она с тем же недоумением решила озвучить:

– Так не платите, пока я не буду работать в больнице, – Катя не знала, что еще ответить.

Главврач оживилась:

– Мы не можем вам не платить. Вы же будете числиться у нас, – уже с улыбкой смотрела она на одурманенную Екатерину.

Катка глядела на нее и понимала, что из этой запутанной ситуации никогда не выберется сама.

– Разве нет никакого выхода? – Печально произнесла она.

– Вот если бы вы захотели всю полученную зарплату отдать в фонд больницы, – снисходительным тоном сказала главная, – то это и был бы самый лучший выход.

Катка облегченно выдохнула:

– Да, конечно же, – без тени сомнения в голосе радостно ответила она, – мне ничего не надо. Спасибо вам за все.

– Вы уверены, что так поступите? – Переспросила главная.

– Конечно, уверена. Ведь я действительно не буду работать, а только учиться, – продолжала радоваться жирафистая будущая кардиолог, не видя подоплеки ни в едином сказанном слове начальника.

Мысль о том, что мечта ее начинает сбываться и работать ее берут не кем-нибудь, а кардиологом затмила всю остальную информацию. «Только бы все получилось, только бы получилось», – стучало в голове.

– Тогда идите в отдел кадров и пишите заявление о приеме на работу участковым терапевтом, ну, скажем, с 17 августа, – она снова подняла телефонную трубку.

– Спасибо вам огромное. Я вас не подведу, – с радостной уверенностью в голосе попрощалась Катка.

Ольга Ивановна, прижав к уху трубку телефона и дожидаясь ответа в ней, проводила ее разочарованным взглядом.

Катя вышла из кабинета и весело посмотрела на секретаря. Та ей улыбнулась в ответ:

– До скорой встречи!

Заявление было написано за пару минут. Выйдя на улицу, она с радостью расправила плечи, посмотрела на солнце и засмеялась сама себе. Душа ее ликовала, сердце пело.

«Оказывается не все так плохо в этой жизни. С ума сойти, я буду кардиологом. Не хочу видеть гадости вокруг. У меня все будет очень хорошо! Алку задушу в объятиях», – мысли в голове со скоростью молнии менялись одна за другой.

Ее не пугала новая ступенька в жизни. Она только что встала на краешек этой ступеньки. Впереди был только розовый свет с проблесками ярко-желтого солнечного. Представлялось столько возможностей. Пусть не получилось стать хирургом, зато у нее есть любимая семья. Хирургия, конечно, здорово, но это колоссальный труд, отнимающий практически все свободное время, постоянные дежурства, которые в конечном итоге могут привести к разладу в семье. Семью, которую ей подарил Бог, она не хотела менять на свою мечту, она хотела соединить воедино два этих дара. Ведь это огромное счастье уходить на любимую работу и возвращаться в уютный дом.

Она сама будет строить свою жизнь, и нет ни единого сомнения, что у нее все получится!

III

– 5 тысяч 800 рублей – это большие деньги для нас. Считай полторы зарплаты, – задумчиво произнес Саша, узнав о сумме обучения.

Катка сидела, уставившись в одну точку. Мысли веером кружились в голове, но ни одной адекватной: «Надо просить сразу у обоих братьев, но все равно получается много. Кто придумал такую огромную сумму? Ничего себе, страна перешла на капиталистический образ жизни! У нас все из крайности в крайность». Голова разрывалась, решение надо принимать сейчас, через неделю нужно ехать оплачивать.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – сказал муж. – Выучишься, отработаешь, отдашь, – пошутил он.

Катерина усмехнулась.

На следующий день она держала в руках шесть тысяч рублей. Саша стоял рядом, и грустно улыбаясь, рассказывал ей, чего ему это стоило.

– Ладно, жена, учись. Из тебя, я верю, получится настоящий кардиолог. Ты у меня настырная. А деньги отработаем, – закончил он свой рассказ.

Екатерина смотрела на эти бумажки, и ей абсолютно не жалко было поменять их на те знания и удостоверения, которые она приобретет. Только мучал вопрос: «Почему же в этом государстве вдруг получилось так, что для того чтобы ей лечить его же народ, нужно отдать такую немалую сумму? А если бы ей неоткуда было взять этих денег? Тогда получается, только физиотерапевт в не любимой больнице с подлой надписью на стене? Но она может дать больше этой стране. Тогда зачем же таким способом?»

Екатерина понимала, что что-то не понимает. Ее разум не вписывался в «новое» капиталистическое общество, состоящее из бывших советских людей. Усилием воли она заставила себя пока не думать об этом. Впереди – приобретение узкой специальности и работа, та работа, которая определит смысл ее жизни. Нет, она не может это назвать работой. Это будет образ жизни, при котором будет приноситься огромная польза всем-всем, кто к ней обратится за помощью.

Деньги были внесены в кассу областной клинической больницы на следующий же день. Ее определили, как «платную» с особым графиком расписания занятий и работы в кардиоревматологическом отделении.

«Чудно! А что «не платные» получат меньше знаний что ли?» – Она усмехнулась внутри себя, но лишних вопросов не задавала. Начальник оргметодкабинета очень обходительно объяснила ей, куда она должна явиться 1 сентября, кто будет ее руководителем, в каких отделениях и когда она будет получать дополнительные знания, необходимые для работы кардиологом. И что в середине декабря они снова встретятся, и Екатерина Владимировна получит удостове-

ние о получении узкой специальности, которое ей позволит работать врачом-кардиологом в любом лечебном учреждении города. Чудно!

Катя взяла направление, на котором четким почерком была выведено имя основного руководителя ее курса – Игошин В. П., кандидат медицинских наук, главный кардиолог области, заведующий кардиоревматологическим отделением. Она понятия не имела, кто это, учась в институте, даже не встречала такой фамилии. «Ладно, время покажет. Сейчас не стоит себя заморачивать. Вроде пока все идет гладко. Меньше месяца осталось до 17 августа. Вот с чего мне придется начать», – спокойно рассуждала Катя сама с собой, только непонятно, отчего тревога и грусть затаились в ее сердце.

IV

17 августа 1997 года ровно в 8 утра Екатерина Владимировна знакомилась со старшими терапевтами первой городской больницы. Ей был предоставлен для приема больных кабинет №37, в котором по графику принимали еще два участковых терапевта, с которыми она практически не пересекалась. Работа в поликлинике три часа, плюс выход на участок – еще в среднем три часа. В целом получается шесть часов в день. «Неплохо», – думала Катя, – «сейчас разомнусь перед учебой, дальше легче будет».

Больные заходили разноплановые, жалобы на боли в животе, горле, ушах, спине. Екатерина внимательно выслушивала каждого, но через час поймала себя на мысли, что что-то делает неправильно, вернее, не доделывает. Понятно: никому из больных не назначено обследование, ничего, даже простого анализа крови, только лечение. Она вспотела от перенапряжения. Мысли вихрем закружились в голове. Как она сможет исправить ситуацию? Дальше все как во сне. Уже обследование назначалось, но где и как они должны его пройти, она не смогла никому толком объяснить. Да, и еще с лечением не совсем клеилось. Оказывается, за последние три года появился огромный выбор иностранных препаратов, о которых она ничего не знала. Больные задавали вопросы, а она сидела как истукан, вся красная от стыда и только успевала повторять: «Зайдите завтра, я вам все объясню. Я сегодня первый день, мне не успеть принять оставшихся пациентов». Но дело было совершенно не в том, что ей не успеть. Это был полный провал. Ее сотрясала мысль о том, что в этот ее первый рабочий день она не только никому не принесла пользы, но еще и навредила. На участке было не краше. Как заполняются больничные листы, теоретически память сохранила, но практика показала то, что здесь она тоже потерпела фиаско.

В конце рабочего дня, выжатая как лимон, Екатерина вползла в свое уютное гнездо на первом этаже и просто упала без сил на кровать. Навалившаяся плита душила ее. Она понимала свою никчемность и ненавидела себя за это. Нужно начинать все заново. Заново! Легко сказать. Ну почему? Я не могла так быстро все забыть. Что произошло? Завтрашний день страшил, душа болела, мозг горел. Скрывая свою боль от мужа и сына, она старалась спрятаться и уединиться в маленькой квартирке. Ненависть к себе обволакивала и душила ее.

Полночи ушло на обдумывание нового плана действий, она нашла ответы на вопросы пациентов, которые должны подойти к ней за ответами. Сгребла с собой фармацевтические справочники, терапевтические сборники и с трепетом зашла в кабинет №37, начиная свой второй рабочий день. В регистратуре узнала график работы лаборатории и кабинетов функциональной диагностики, и совершенно не стесняясь, при каждом непонятном случае открывала нужные страницы, пробегая их глазами, восстанавливала в памяти требуемую информацию. Ее не смущало, что могут подумать о ней больные. Главное – NO NOCERI! (не навреди). В перерыве между пациентами (летом их меньше) выбрала время и пошла к понравившемуся ей при вчерашнем знакомстве старшему терапевту Фоминой Антонине Александровне, которая устроила ей ликбез по выписке больничных листов. Тщательно объясняя каждую строчку, правила, Антонина Александровна настолько расположила ее к себе, что Катерина почувствовала в ней родственную душу. Сразу ушла половина тяжести с души.

Первое заслуженное чистосердечное «спасибо» Катька услышала только через три дня работы, к середине первой недели. Со слезами на глазах шла она домой и понимала, насколько деградировал ее мозг за три года декретного отпуска. Это было не просто отсутствие навыка работы, это было позорное отсутствие знаний. Затмив рабочую часть мозга бытовыми проблемами, подлая память так лихо запрятала в кулуары сознания всю годами приобретенную медицинскую информацию, что работа по извлечению приравнивалась к работе по бурению нефтяной скважины. Неизмеримые по энергетической затрате силы и терпение предстояло приложить Катьке, чтобы восстановить и заставить работать потухший мозг.

После окончания работы она теперь не стремилась домой, ноги несли ее прямо в альма матер. Туда, где она с таким удовольствием приобретала знания, чтобы быть лучшим врачом – в медицинский институт, теперь уже академию. Взяв с собой диплом об окончании и большую толстую тетрадь, Катя прямым путем шла в читальный зал библиотеки, где набрав кучу литературы по анатомии, нормальной и патологической физиологии сердечно-сосудистой системы, проводила часы, зарисовывая и записывая всю необходимую информацию о сердце и сосудах, чтобы не выглядеть круглой «платной» дурой в период обучения в кардиологическом отделении. Уже через несколько дней половина общей тетради была заполнена красочными рисунками сердца со всеми его артериями красного и венами синего цвета, а также отдельные зарисовки проводящей системы желтым и коричневым цветом. Все подписи четко в столбик, вся информация о патологии – на отдельных листах крупным шрифтом.

С каждым днем приходила уверенность в том, что ничего страшного не произошло. Пусть все сначала! Если от нее требуются такие жертвы, то она все равно выдержит. Главное верить в себя и еще – чтобы руки не опустились. А она сильная и все сможет!

У

1 сентября без пяти минут 8 утра она сидела в ординаторской кардиоревматологического отделения областной клинической больницы. Ординаторская была большая. Около десяти рабочих столов ровненько стояли по периметру, два кресла, между ними – маленький журнальный столик с двумя телефонами (городской и внутренний), в углу – холодильник, около стены – стеллаж с трепаными книгами и учебными пособиями. Сказать, что было уютно, нельзя, но в целом для рабочей атмосферы подходяще. Заходили молодые врачи, ординаторы, садились на свободные стулья. Все друг другу улыбались, здоровались. Екатерина ни с кем не была знакома. Ее тоже никто не знал и особо внимания не обращал. Все ждали начала пятиминутки.

Ровно в 8 часов дверь стремительно распахнулась, и в нее с уверенностью не вошел, а просто влетел полноватый мужчина средних лет в белом халате. На ходу выкрикивая распоряжения суетливо спешащим за ним двум, наверное, медсестрам, он с размаху сел на свободное кресло и орлиным взором обвел всех присутствующих. Царила мертвая тишина. «Это, наверное, он и есть – ее руководитель курса», – подумала Катька. У нее неприятно заскребло в животе. Выслушивая четкие отчеты врачей и медсестер за последние сутки о количестве тяжелых больных, новых поступивших, о проделанных мероприятиях и т.д., она ощутила, что попала на значительное и грандиозное мероприятие, где шутить никто не собирался. С первых минут пятиминутки стало ясно, что в этом отделении ведется ответственная и тяжелая работа, связанная с ежесекундным риском для жизни больных. Вопросы, задаваемые дежурным, словно молнии пронзали каждого присутствующего в кабинете. Во всем виде заведующего сквозила сила и уверенность, а еще осознание важности дела, которое он выполняет не просто хорошо, а блестяще. Екатерина сразу это почувствовала. Она смотрела на него и изучала. Чуть одутловатое лицо (возможно от перегрузок), пронзительные синие глаза, сдвинутые к переносице брови, темные волосы, упрямый, с ямочкой подбородок подчеркивали всю значимость его вида и определяли совершенную уверенность в своих поступках. С первого взгляда уже было видно – это человек сильной воли, он знал, чего хотел, и интуитивно чувствовал, как поступать в сложных ситуациях.

Громким и уверенным голосом, раздав последние указания, он объявил о начале рабочего дня. Заряженные его энергией врачи и средний медицинский персонал стремительно вставали с мест и покидали ординаторскую, рассасываясь по своим рабочим кабинетам. Екатерина и еще несколько молодых врачей не сдвинулись с места.

Виктор Петрович, посмотрев на часы, обвел всех оставшихся прищуренным взором. В упор на него смотрели семь молодых специалистов, примерно одного возраста, все женского пола.

Он достал из кармана сложенный список и, озвучивая фамилии, стал знакомиться с каждой. Молодые врачихи вставали со своих мест, коротко отвечали на его вопросы. Некоторые от страха запинаясь и путались, на что он хмурил брови и быстро оставлял их в покое. Екатерина четко ответила на все его вопросы, и не вызвав с его стороны никакого внимания, села. В конце опроса он подвел итог:

– Так, получается шесть ординаторов и одна для получения узкой специализации. Сразу предупреждаю, не терплю опозданий и бездельников. Вы сюда пришли получать знания и работать! Караю сурово и строго, и нянчиться ни с кем не собираюсь. Перерыв на обед полчаса. Из столовой для больных ничего не брать, сами решайте свои тревожащие проблемы, но только в положенное для этого время, – он обвел взглядом притихшую публику. – Сейчас идем в палаты смотреть пациентов, дальше будет контрольное задание, потом разбор. Настроить свой мозг на максимальную отдачу. Вопросы есть?

Вопросов, даже если они были, никто не задавал. Все, включая Екатерину, сидели в напряженном оцепенении.

– Очень плохо, что нет вопросов, – сказал удовлетворенный собой руководитель. Катя заметила в его глазах вспыхнувшую огоньком усмешку осознания своего превосходства.

В палате в общении с больными он был профессионал и чувствовал себя как рыба в воде. Опрос проходил в доброжелательной атмосфере, тщательно и быстро, и уже через несколько минут пациент настолько был расположен к Виктору Петровичу, что рассказывал ему про свою семью, детей, доверяя ему все свое сокровенное. Виктор Петрович что-то помечал себе на листке бумаги и переходил от больного к больному. Веером за ним перемещались все его семь кандидаток, претендующие на приобретение таких же знаний. К концу первого часа от количества пациентов и полученной от них информации зарябило в глазах, голова отяжелела. Катя незаметно для себя переключила внимание на своих сокурсниц. Все так же, как и она, были перенапряжены. Вдруг с удивлением она отметила, насколько все девушки симпатичны. Стройные, высокие, аккуратные, ни одного пустого взгляда. Присматриваясь к каждой, она увидела, насколько у каждой по-своему красивое лицо. Она не запомнила их имен, но не перживала по этому поводу. Впереди еще столько времени!

Через два часа обход был закончен, и каждая из них получила задание и своего больного. Нужно было прослушать сердце по всем точкам, определить правильность звучания тонов, наличие шумов, акцентов, составить график работы сердца, поставить все диагнозы, имеющиеся у больного, плюс назначить лечение.

Катя задыхнулась. Она почувствовала, что на голову ей уже положили несколько томов Карла Маркса, которые невозможно было стряхнуть, и при каждом встряхивании только появлялась острая боль в висках, напоминая о сосудистом спазме. Сухо пожелав удачи, руководитель удалился в неизвестном направлении. Девушки разбредались по палатам, до обещанного получасового перерыва оставалось два часа, которые нужно было пережить с тем же напряжением.

Екатерина взяла свой допотопный студенческий фонендоскоп, трубки у него некогда прорвались, а за время постоянного дефицита в стране возможности приобрести новый не было. Саша заменил порванные на другие, можно сказать, новые, но они были использованной

капельницей. Звук проводили по мере своей полупригодности, но определить всевозможные варианты тонов этот самодельный аппарат не просто не хотел, а не мог.

Она выполнила свое первое контрольное задание, как ей показалось, хорошо. Есть вещи, которые вызывали сомнение. График работы сердца она не составляла никогда, и как он выглядит, мало себе представляла. Диагнозы все поставила, лечение решила составить вместе с учебником по кардиологии, уединившись в комнату дежурного врача. В этой прохладной комнате никого не было, никто ей не мешал. Она, не спеша, еще раз сравнила свой ответ с правильным. Все переписала заново, четко расставляя по пунктам, чтобы не запутаться в ответе. Голова продолжала гудеть. Она стала припоминать утренний обход с Игошиным, и в оставшееся время решила найти ответы на возникшие вопросы в учебнике.

Она слышала, что кто-то пробежал по коридору в одну и другую сторону. Кого-то искали, что-то громко спрашивали, но текста она не уловила. Мозг был полностью погружен в кардиологический справочник. Когда Катька посмотрела на часы, ахнула. Сердце тут же провалилось куда-то вниз, тело замерло. Второй час дня! Уже давно прошел обед, и где сейчас ее сокурсники? Она быстро вышла в полупустой коридор. Больные готовились к тихому часу. Первое, что пришло в сознание: надо идти в кабинет заведующего определять свое присутствие. Приготовившись к самому худшему, она заставила себя постучать в дверь кабинета руководителя. За дверью громким голосом пригласили войти.

Войдя, она сразу уперлась взглядом в серьезные глаза Виктора Петровича. Вокруг его стола, занимая почти все пространство кабинета, на диване и стульях сидели около десятка врачей, все ординаторы тоже были здесь.

– Быстро заходите, присаживайтесь и включайтесь в работу, – железным голосом без эмоций, сказал он.

Окаменелой Катьке, молча потеснившись, предложили место на диване.

– И как вы собираетесь его лечить? Где программа действий? – строгий голос Игошина, направленный на ординатора, находившуюся справа от его стола, вновь зазвучал в гробовой тишине. – Вы оцениваете состояние пациента как тяжелое. Почему он у вас не в палате интенсивной терапии? Дальше даже смотреть не буду. Он у вас умирает. А вам двойка!

Он перечеркнул листок и почти кинул его в сторону Катькиной сокурсницы. Та пыталась что-то сказать в свое оправдание, на что Игошин развернулся к ней всем своим торсом и грозно, разделяя каждое слово, почти шепотом произнес:

– В ПИТе за больным постоянный контроль врача и все необходимые реанимационные мероприятия. А пока вы, дорогая, будете докучивать свой пирожок, а у вашего больного начнется отек легких, мы необходимые для его спасения минуты потратим для перевозки и подключение к аппаратам. И еще, Наталья Владимировна, – обратился он к ней уже снисходительным тоном, – запомните с самого начала: ни один из нас не застрахован от смерти пациента, но каждую смерть вы будете помнить. А те, которые произойдут по вашей вине, будут терзать и мучить вас всю жизнь!

Он взял в руки следующий контрольный листок. В каждом он находил ошибки и делал замечания, задавая вопросы всем присутствующим. Врачи заинтересованно отвечали, у каждого были свои предположения. Игошин молча, порой с усмешкой, выслушивал, задавая наводящие вопросы четко в цель, замыкая круг и подводя к правильному решению. Катька не знала на многие из них ответы и чувствовала себя неуверенной. Когда у него в руках оказался листок Екатерины, он, пробежав глазами, нахмурился и потом как выстрелил:

– Это чье? Почему не полный ответ?

Катька, вдруг, вся вспотела, слотнула слюну, но взяв себя в руки, ответила:

– Мое. Пациент Семенов, 57 лет, 7 палата.

– Пошли! – он порывисто встал и рванул к двери. За ним потянулась вся чередка врачей.

В палате он устроил ей полный экзамен. Она уже в присутствии всех снова собрала анамнез заболевания и жизни. Осмотрела больного, определив границы сердца, пропальпировав и проаскультировав его, где только это возможно. Вместе с ней то же самое проделали еще три ее сокурсницы. Больной был бодр и общителен. Было заметно, что такого тихого часа он еще не переживал. Когда экзамен закончился, вся процессия проследовала назад в кабинет главного. Он ястребом смотрел в глаза Екатерины:

– Вы когда закончили институт?

– В 1993 году, – подозревая что-то неладное, пролепетала она.

– А дальше чем были заняты? – не сводя с нее глаз, допрашивал руководитель.

– А дальше – декретный отпуск, три года, – приходя в себя, твердо ответила Катя.

– Вы делаете очень много ошибок – это недопустимо, – стальным голосом отрезал он, – посмотрите, что вы тут написали: сопутствующая патология не полностью, осложнения смешали с основным диагнозом, границы сердца определены неправильно. Почему не указан характер тонов и шумов?

Екатерина сидела вся красная от стыда.

– Мало того, вы отсутствовали где-то три с половиной часа.

Катя попыталась сказать в свое оправдание несколько слов, но он даже не слушал ее.

– Сегодняшний день прошел для вас даром. Вы ничего не сделали полезного. Лично вами я очень недоволен, – продолжал он казнить ее. – Я не принимаю ваш ответ, все переделать, – гаркнул он.

Катя еле сдерживала слезы до конца проверки контрольных работ. Она чувствовала себя ничтожеством. На фоне других она была хуже всех и с болью в сердце осознавала это. В конце рабочего дня, когда врачи стали расходиться, две ее сокурсницы стали успокаивать ее. Катя сидела со стиснутыми зубами, кивая им в ответ, боясь, что расплачется, если откроет рот хоть на секунду.

– Ты не должна так реагировать. Он самый лучший педагог из тех, кого я знаю. Это большое счастье, что мы у него на обучении, – успокаивала ее Наталья, поправляя свою сверхмодную стрижку перед зеркалом.

– Не расстраивайся так сильно, – говорила ей в тон Светлана. – Соберись. Ты думаешь, у всех получается с первого раза? А кто у тебя: мальчик или девочка?

Наталья и Светлана были подругами. Только что закончили академию, сразу поступили в ординатуру, не без блага, конечно, но в этой стране по-другому желания исполняются не всегда. Девушки доброжелательно попрощались, а Катя посчитала разницу в возрасте с ними (почти десять лет). Такие умные девочки, а она? На душе стало еще гаже.

На следующее утро она с трепетом заходила в ординаторскую. День ничем не отличался от вчерашнего, только на ее голову было доложено еще несколько томов Карла Маркса, которые пришлось носить в течение всего рабочего дня. Она старалась впитывать каждое слово руководителя, таская с собой тетрадь и ручку, быстро записывая всю непонятную информацию для того, чтобы потом самостоятельно разобрать ее. Наталья и Светлана показали ей, как выглядит график работы сердца. Но на дискуссиях она продолжала отмалчиваться, боясь сказать что-то неправильное и вызвать гнев руководителя. В обеденный перерыв старалась спрятаться в комнате дежурного врача и открывала учебник по кардиологии. Так продолжалось несколько дней. Екатерина потихоньку осваивалась, познакомилась с остальными сокурсницами. Они все были гораздо младше ее по возрасту, но внешне это в глаза не бросалось, так как Катя всегда выглядела моложе своих лет. Через неделю она почувствовала себя уверенной. Игошин продолжал бросать на нее ястребиные взоры, оценивая ее ответы очень низко, но явно не нападал, выдерживая дистанцию. Все это время Екатерина изо всех сил ломала себя, заставляя заглушить в себе ропотное отношение к руководителю. Если сейчас она будет отмалчиваться и не действовать, то какой же кардиолог получится из нее? Пусть она будет хуже всех, пусть

ей сейчас говорят в лицо неприятные вещи, но она получит любой ценой все знания, пройдет через унижение и приложит все свои силы, чтобы знать, уметь и быстро ориентироваться в профессии.

Со следующей недели в палатах при клиническом осмотре больного она всегда стояла рядом с Игошиным и лезла вперед, когда он раздавал задания. Если ей было что-то непонятно, она напрямик шла к нему, отрывая от дел, заставляя раздражаться и нервничать. Он никому не делал поблажек. Мог остановить на ходу любую из них и сунуть в руки свежую кардиограмму, требуя немедленно расшифровать ее и проанализировать. Уже к середине рабочего дня от количества поступившей информации и бесконечных контрольных проверок кипели мозги и подкашивались ноги.

– Вы должны научиться ставить предварительный диагноз при входе пациента в кабинет! Только тогда вы будете настоящими врачами, – грозным голосом вещал опытный кардиолог.

Виктор Петрович был настоящим педагогом. Муштра молодых дарований начиналась ровно с 8 утра, и без опозданий. Незаметно для себя Екатерина стала привыкать к этому строгому режиму, увлекаясь все больше и больше. Каждый день приносил огромное количество новой информации, и как оказалось, закреплением уже полученной. То есть в голове уже складывался некий конгломерат знаний, который прочно закреплялся и рос, рос, рос. Этот рост Екатерина ощущала ежедневно. Количество вынашиваемых в течение дня томов на голове прогрессивно уменьшалось с приобретением знаний и уверенности. Усталости к концу рабочего дня уже не чувствовалось, глаза горели, мозги работали безотказно. Во время обсуждения, она уже не сидела, проглотив язык, ловя молчаливые взгляды руководителя. Он не хвалил ее, но уже оценивал по-другому, говоря при всех, что ему нравится ее активность и что только из того получится грамотный специалист, кто никогда не будет сидеть на месте, а постарается освоить новые темы и методы лечения.

Через пару недель он уже брал с собой всех семь ординаторов в другие отделения для консультации сложных больных. Катька, вдруг, заметила, что ему явно было очень приятно быть в центре молодых врачей – красоток. Стремительно продвигаясь по отделениям в развевающемся белом халате, он постоянно находился в окружении спешащих за ним умниц – красавиц, и на ходу получал откровенные завистливые восторги со стороны своих коллег. Он подходил к пациенту только для того, чтобы победить его болезнь и неустанно показывал всем ему доверенным ученикам, как это делать!

Незаметно пролетел сентябрь, а у Катьки сложилось впечатление, что она родилась в этом отделении, выросла и жила в нем всю свою жизнь. Игошин уже не рычал на них, как в первые дни обучения.

Обеденные перерывы проходили в его кабинете, чаем не ограничивались. На столе часто присутствовали дефицитные продукты, стол ломился, так как каждый старался принести в новую семью что-нибудь этакое вкусное. Дискуссии начинались уже с самого начала обеда и были продолжительными и интересными. Все принимали участие, у каждого было свое мнение, а Виктор Петрович в это время царствовал, и видно было по его довольной улыбке, насколько ему все это нравится. Из тирана он превратился в родного для них всех человека, который в любое время подставит свое плечо, поможет, направит, не оставит одного в трудной ситуации.

Как-то в один из дней, торопясь в очередное отделение для консультации, Катька вбежала в еще открытые двери лифта и наткнулась на одиноко стоящего руководителя. Она смутилась, так как никогда не видела его без сопровождения. Двери захлопнулись, он нажал кнопку нужного этажа и внимательно посмотрел на нее:

– Екатерина Владимировна, я сегодня утром узнал о вас нечто такое, о чем вы должны мне были сказать при первой встрече, – заинтриговал он ее уставшим голосом.

Она непонимающе глядела ему прямо в глаза, быстро перебирая в памяти, что она могла не договорить или забыть. У нее такие промахи встречаются редко. Катька не отводила от него глаз, ни в чем не найдя себя виноватой, продолжала напрягаться дальше.

– Я сегодня был в оргметодкабинете. Мне сказали, что вы оформлены в наше отделение платно и должны идти по отдельному расписанию занятий. Это так? – Он внимательно оглядывал ее.

Екатерина нахмурилась. Она не понимала зачем, и даже не знала о том, что должна была предупредить кого-то, что заплатила кучу денег за то, чтобы ее научили профессии.

– Да. Мне пришлось заплатить за обучение, потому что других путей мне никто не предложил, а время я терять не хочу. А зачем я должна об этом рассказывать – не понимаю.

– Почему, вы говорите, не предложили? Вы что, ждали пока, к вам кто-то придет и все подробно расскажет? Вы сами должны были искать другие пути, – пылко парировал Виктор Петрович.

– За мной никого нет. И я никому не была нужна. Посоветоваться не с кем, – она отвела от него взгляд и, немного помолчав, продолжила. – И потом, я не жалею об этом. Я рада тому, что попала на первичную специализацию именно в ваше отделение, – улыбнувшись, весело ответила она.

Уже к обеду Игошин вызвал ее к себе в кабинет и представил заведующей функциональной диагностики Бодиной Елене Васильевне. Они быстро обсудили, в какие дни и часы Екатерина должна будет проходить индивидуальный курс обучения в ее отделении, причем специально для нее будут проводиться занятия по нарушениям ритма сердца и еще она должна поработать в поликлинике на приеме.

После ухода Елены Васильевны Екатерина с обожанием и слезами на глазах смотрела на своего руководителя.

– Пока, думаю, достаточно, – глядя на нее, с огоньком в глазах сказал Игошин. – Сейчас придет из отпуска лечащий врач 10 палаты. Очень серьезный и требовательный молодой человек. Многие ординаторы не выдерживают работать с ним, но вас, я думаю, это не испугает. Он будет помогать вам, а вы ему.

– Виктор Петрович, спасибо вам огромное. Даже не знаю как...

– А вот этого уж и не стоит, поверьте мне, – перебил он ее. – Я все вижу далеко вперед. У вас все сложится очень удачно. Вы умеете противостоять трудностям. Идите, вас уже ждут, – улыбаясь, закончил он.

– Спасибо. Спасибо вам большое, – Екатерина, выходя из кабинета, оглянулась на него. Он смотрел ей вслед и продолжал улыбаться.

Дни теперь были загружены под завязку, часы с 8 утра до 15 дня пролетали незаметно. Катька вертелась похлеще ужа на сковородке. Ей приносили большое удовольствие индивидуальные занятия. Внимание было направлено только на нее, вопросы готовила заранее, опять-таки, чтобы зря не тратить время. Вышел из отпуска обещанный Игошиным молодой и требовательный. Он оказался выходцем из Ливана – высокомерен, заносчив, трудолюбив. Звали его Али – невысокого роста, коренастый, на вид лет 25-26. Он с прищуром посмотрел на Екатерину и, с надменностью и превосходством выговаривая каждое слово, добавляя к фразам арабский акцент, объявил ей о том, что она уже слышала 1 сентября при знакомстве с Виктором Петровичем. Чья школа у молодого дарования, стало понятно сразу.

– А еще, – добавил он как можно равнодушнее, – я буду задавать вам темы для самостоятельного обучения. Только проверять вас, выучили вы или нет, я не обязан. Буду спрашивать, когда придется и где придется. Так что, чтобы не позорить себя, я все-таки советую учить. А то получается, что на меня обижаются, что я «опускаю» ординаторов в присутствии других врачей, но я же не виноват, что вы не знаете то, что я задаю вам.

Ему явно нравилось красоваться перед Екатериной. А она, на удивление самой себе, была согласна с каждым его словом. Ведь он во всем прав. Они сюда пришли за специальностью, и придет время, когда каждая окажется наедине с пациентом. Кому будет легче? Той, кто знает? Или той, кого «прносило» по «счастливой случайности»?

Вместе с Али они сделали обход палаты, познакомились с пациентами, откорректировали назначения на обследование и лечение. Екатерина во всем этом процессе принимала активное участие. Потом взяла истории болезни и без согласования с Али пошла в ординаторскую заполнять их. После этого сама договорилась с другими отделениями о консультациях и проведении быстрого обследования для пациентов 10 палаты, кого записала на массаж, а кого на физиопроцедуры, причем без очереди, по «личной» договоренности. Ливанец пришел в восторг, когда увидел, что вся работа сделана на несколько дней вперед. Пациенты ликовали. Получив расписание процедур, они неустанно при встрече в коридоре благодарили Али и желали ему всех благ. На радостях он задал своей новой ученице две сложные темы, как и говорил, для самостоятельного обучения. Пройдя через библиотеку, Екатерина взяла нужную дополнительную литературу по кардиологии, где имеются все ответы на самые каверзные вопросы – «на всякий случай».

Каждый день приносил радость. Она уже свободно ориентировалась не только в кардиологическом отделении, но и во всей больнице. Подружилась со всеми девушками – ординаторами, более всех с Анжелой, которая, в отличие от других сокурсниц, тоже имела мужа и ребенка. У них всегда находилось огромное количество тем для разговоров. Анжела отлично разбиралась во всевозможных косметических новинках и была для Катюшки воплощением женственности. Не умеющая придавать значение своей внешности («спасибо природе, и так всего достаточно», – думала она и продолжала не пользоваться тушью и различными штучками для своего приукрашивания, а также сторониться модных магазинов), она с интересом прислушивалась к Анжеле. А ученицей всегда была благодарной. Уже через некоторое время общения с новой подружкой, Екатерина подстриглась, осветлила волосы, чуть подкрасила ресницы и пришла в отделение в новых модных вещах, произведя фурор не только на мужскую, но и на женскую часть кардиоотделения. Все ей делали комплименты, а она смущалась.

Екатерина давно не ощущала в себе такого прилива сил, получая знания и кропотливо, до мелочей разбирая все темы, касающиеся кардиологии, она настолько погрузилась в учебный и рабочий процесс, что чувствовала себя не просто рыбой в воде (многое надо было еще вспомнить и узнать). Она была ненасытной рыбой, которую манит глубже и глубже в те воды, о которых знает только, может быть, Виктор Петрович. Она желала знать все и разбираться во всех патологиях наравне с маститыми авторитетами. Заданные Али темы были изучены досконально.

Ливанец тешил себя тем, что во время обсуждения лечения тяжелых пациентов он как бы непроизвольно задавал вопрос конкретному ординатору. Вся ординаторская притихала, и все находившиеся в ней ждали ответа и смотрели в сторону заикающегося отвечающего. Али в это время чувствовал себя на коне, и унижение проходило до тех пор, пока не выдерживали нервы молодой врачихи. Довольный собой, он вдогонку выкрикивал ей: «Вы эту тему должны были изучить еще недели две назад!» и взглядом искал одобрение со стороны Игошина. Видно было, что Виктор Петрович не особо радовался поражениям своих учеников, но по каким-то причинам он не останавливал самодовольного ливанца. Екатерина относилась к этому процессу двояко: с одной стороны – теперь эту тему опозоренный врач будет знать назубок, с другой: она не терпела хамства и унижений, но на какую сторону встать, решить так и не могла.

Как-то утром после пятиминутки некоторые врачи задержались в ординаторской. Один из кафедральных работников, Николай Николаевич, со смаком рассказывал очередную вра-

чебную историю, из которой он вышел, естественно, победителем. Молодые слушали, открыв рот. Такие истории бывают очень поучительными, так как к победе обычно ведут уже преодоленные трудности и анализ ошибок. Речь шла об аритмии, одной из сложных патологий в кардиологической практике. Несмотря на все трудности, возникшие при диагностике, Николай Николаевич все же нашел причину возникновения болезни и назначил правильное лечение. Все врачи с улыбками одобрительно кивали в его сторону. Екатерина сидела за одним столом с Али и тоже радовалась успеху коллеги. Выслушав историю до конца, некоторые наклонили головы к историям болезни, некоторые решили пойти на обход. Внезапно Али поднялся со своего места и громко объявил:

– А история-то поучительная! А чтобы долго не метаться в выборе тактики лечения нужно хорошо знать что?.. – все ординаторы притихли. – Что молчите? Нужно назубок знать проводящую систему сердца.

Все заинтересовано посмотрели на него. Сейчас кому-то достанется!

– Екатерина Владимировна, – обратился он Катьке, – поведайте-ка нам, что мы все должны знать по этой теме.

Он оторвал листок из своей тетради, начертил на нем овал, крестом разделил на четыре камеры (так схематично изображается сердце) и с улыбкой положил его перед ней на стол. Екатерина с вызовом посмотрела на него, внутри неприятно заскребло, но она тут же отбросила от себя это ощущение. «Я все знаю», – пронеслось в голове. Улыбаясь, она обвела взглядом всю публику вокруг.

– Вы, Али Хасанович, решили, что на таком маленьком листочке поместится весь ответ? – Завораживающим голосом произнесла она. – Дайте мне, пожалуйста, формат А – 4, – обратилась она к Николаю Николаевичу.

Все притихли и с интересом наблюдали за ней. Катька взяла большой лист, уверенно начертила на весь формат овал и крест – сердце готово.

– Ну, начнем с главного, – настраиваясь и отключаясь от всего лишнего, продолжила зарисовки Екатерина, объясняя на ходу значения каждого узла проводящей системы сердца, его состав, возможные пути проведения нервных импульсов по нему, не забывая называть их по фамилиям многочисленных авторов.

Начерченная вначале обучения в читальном зале академии схема проводящей системы сердца настолько прочно сидела в голове со всеми физиологическими и патологическими путями проведения, что Катя, подними ее даже ночью, четко покажет и расскажет по этой теме всю нужную, а после заданий хитрющего Али, еще и дополнительную информацию. Закончив свой ответ и показав на схеме все, что знала по этому вопросу, она с улыбкой подняла глаза на окруживших ее врачей и, сама не ожидая от себя, обратилась к Али:

– Вот примерно так выглядит проводящая система, но чего-то тут не хватает. Правда, Али Хасанович? Вы мне подскажите? – Она задорно, с прищуром посмотрела на него. Али сидел, онемев, губы его были сжаты.

«Браво!» – услышала она от одного из врачей. Все с восхищением перешептывались, и в открытую смеялись, смотрели на ливанца. Екатерина мгновение помолчала, а потом с еще большим задором, как будто только что сама открыла этот путь, громко произнесла:

– А вот с этой стороны может притаиться патологический путь кого-о-о? – Она снова выжидательно посмотрела на лицо Али, – Бах...ма...на, – по слогам, смеясь, продолжила она.

Ординаторская взорвалась дружным хохотом, Али тоже уже улыбался во весь рот. Кто-то из ординаторов попросил взять этот лист на память. Катька без сожаления протянула его в стену из белых халатов, собравшуюся вокруг их стола. Под восторги коллег она покидала ординаторскую, прихватив манометр и фонендоскоп, спешила на обход в свою палату. Али догнал ее в коридоре:

– Екатерина Владимировна, вы были сегодня на высоте. Если честно, я не ожидал, – голос его уже не звучал надменно.

Катька пожала плечами и с улыбкой глядела на него:

– Спасибо. В этом есть и ваша заслуга тоже, – откровенно сказала она.

Он остановил ее перед палатой.

– Я хочу вам сказать, насколько вы удивили меня сегодня. Такого полного ответа я не слышал ни от одного уважающего себя врача. Многие из них работают уже годы, но так и не знают досконально эту тему.

– Я не думаю, что это незнание делает их хуже. Они могут быстро все восстановить в памяти. А мне эту тему вы задали не больше двух недель назад, – глядя прямо ему в глаза, сказала Екатерина.

– У меня никогда не было такого ординатора. Я бы вам полностью доверил ведение больных. Давайте на «ты», если, вы, не против, – заходя в палату, уже шепотом произнес он.

Екатерина кивнула в ответ.

Школа женственности от Анжелы Валерьевны, мужества и терпения от Али Хасановича, самостоятельности и анализа в принятии правильного решения от Виктора Петровича, приобретения знаний и владения методами функциональной диагностики от Елены Васильевны, а также бесконечные конференции, дискуссии и разборы тяжелых больных незаметно трансформировали Катьку-домохозяйку в Екатерину Владимировну – врача-кардиолога. Она уже лихо консультировала больных из других отделений, вела самостоятельно, без Али, больных 10 палаты, принимала активное участие в дискуссиях и получала взамен одобрение со стороны своего сурового руководителя, чем очень гордилась.

Как-то во время очередной вечеринки Игошин попросил спеть по куплету любимых песен каждого присутствующего за столом. Пиршества в отделении устраивались охотно по поводу юбилеев и праздников с особым подходом к накрытию стола и выбору музыкальных композиций для танцев. Игошин так же любил хорошо отдохнуть не меньше, чем хорошо поработать. И всегда был заводилой в компании. Все дружно откликнулись на эту идею и под аплодисменты исполняли свои любимые песни. Екатерина обладала звонким, но не поставленным голосом, зато могла вытягивать сложные песни. В их с мужем компании считалось нормой петь песни на вечеринках, особенно русские народные. Когда очередь дошла до нее, она подняла бокал, произнесла тост в честь юбиляра и зазвенела своим народным голосом русскую, с переливающимися мелодиями, то понижая, то повышая голос, вкладывая всю свою душу и четко передавая эмоциональный фон песни. Она не отрывала взгляда от Виктора Петровича, который на глазах просто менялся в лице. Когда она допела, восторгам вокруг не было конца.

– Она еще и поет!!! – Услышала Катька со всех сторон и смущенно засмеялась в ответ.

Весь вечер она упиралась в прищуренный в ее сторону взгляд Игошина. После вечеринки остались самые приближенные к заведующему отделения. Когда Екатерина вместе со своей новой подругой Анжелой направлялась в гардероб, из кабинета заведующего высунулась голова «приближенного» и прокричала им вслед:

– Екатерина Владимировна, Анжела Валерьевна, а мы вас попросим остаться с нами.

Девушки переглянулись, но возвращаться не решались.

– Просим, просим, просим. Совсем на чуть-чуть. Ну, пожалуйста, не отказывайте своим коллегам в общении в неформальной обстановке, – голова подтянула за собой тело и распахнула настежь дверь в кабинет.

Екатерина и Анжела повернули назад. За столом они увидели Игошина, Али, врача палаты интенсивной терапии и пару кафедральных работников. На столе бутылка дорогого коньяка, коробка конфет, икра. Им предложили места около их руководителя со смешливыми замечаниями в его сторону, что конкурентов на красоту у него быть не может. Беседа была не на отвлеченные темы, обсуждалась совместная работа отделения с кафедрой, получение

нового оборудования, обучение на нем врачей. Девушки тоже принимали участие в разговоре. Их интересовала жизнь в отделении так же, как и работающих здесь врачей.

Речь зашла о том, что нужно выращивать свои кадры, что с ними проще. Только где взять выносливых и трудолюбивых, вокруг одни хлюпики или потенциальные мамы с продолжительным декретным отпуском. Игошин, принимая участие в разговоре, внимательно рассматривал дно в рюмке коньяка, разворачивая ее пальцами в разные стороны.

Развеселившиеся врачи наперебой осыпали девушек комплиментами, уже приняли в свой коллектив, продолжая разливать коньяк по рюмкам и выплескивать вновь родившиеся тосты. Екатерине нравилась эта компания, нравилось то, что она сидит среди своих коллег, нравились разговоры про медицину, нравилось, что к ней прислушиваются и соглашаются с ее точкой зрения. Она чувствовала себя здесь своей.

– Вот такие у нас проблемы, дорогие мои ученицы, – наконец Виктор Петрович поднял голову и по очереди посмотрел на девушек. – Ну, что скажете? – улыбнулся он. – Хотели бы работать в нашем отделении? Только работать, а не... сами понимаете. Вы уже знаете, что нагрузка колоссальная.

Анжела закивала головой. Екатерина окаменела, сердце сжалось: «Где он был раньше? Ведь это мечта для каждого молодого специалиста – работать в таком сильном научно-практическом центре», – в голове стучала и билась мысль о том, что принимать решение с ходу нельзя – здесь нужно думать, чтобы не ошибиться.

– Что задумались, Екатерина Владимировна? Я вам пока еще ничего не предлагаю, а только спрашиваю.

Катя очнулась от своих мыслей, и молча, смотрела ему прямо в глаза. В них была боль, усталость и что-то еще. Что же? И вдруг резануло сознание – одиночество! Он был одинок! Эта «кардиологическая супермашина», просчитывающая возможные ситуации исхода болезни до мелочей, знающая, умеющая, обучающая, исправляющая промахи и недоработки других, – принадлежит только своей профессии. Где его семья? Почему он сейчас не с ними? Сердце сжалось еще сильнее.

– Нам очень интересно было посидеть с вами и принять участие в разговоре, – выдавила она из себя. – Новое оборудование – это здорово. Мы всегда должны стремиться к перспективам в своей работе, – улыбнулась она, не зная, что еще сказать.

– Сколько вам лет, Екатерина Владимировна? – вдруг, спросил Игошин.

– 32 года, – не моргнув, пожала плечами она.

Игошин откинулся на спинку стула и с изумлением осматривал ее.

– Этого не может быть! Я всегда четко определяю возраст, – закричал Али. – Скажи, что ты пошутила.

– Мне нечего скрывать. У меня все в жизни получилось поздно. Поздно поступила в институт, поздно закончила, поздно вышла замуж, родила ребенка и т.д., – она уже смеялась, глядя на обескураженные лица присутствующих.

Игошин смотрел на нее с восхищением:

– Я всегда чувствовал, что здесь что-то не так. Молоденькая, а рассуждает, как зрелый, ну, очень зрелый человек, – развел руками руководитель.

– Спасибо вам, Виктор Петрович, на добром слове, – продолжала улыбаться Катя.

– Но почему? Почему вы так поздно опомнились? Не разобрались сразу, в чем ваше призвание, или еще что-то? – спросил один из кафедральных врачей.

– Еще что-то, – ответила Катя.

Она коротко рассказала все свои жизненные этапы: медучилище, работа фельдшером в Графской больнице, армия (рассказ про которую всех поверг в шок), подготовительное отделение... и плавно подвела историю к своим 32 годам. Игошин ни разу не перебил, он с прищуром рассматривал ее во время рассказа и грыз ноготь большого пальца ладони. Обсуждали

потом долго, чего можно было бы избежать, но пришли к выводу, что уже ничего исправить невозможно. И нужно ли? На улице уже был вечер.

– Ну что, пора коллеги, и честь знать, – поднялся первым Виктор Петрович. – Посидели мы на славу. Спасибо вам, девушки, за компанию. Спасибо вам, Екатерина Владимировна! – Он пристально смотрел на нее, пожимая на прощание ладонь.

Прощались, как будто расставались надолго, никто не хотел расходиться. Вышли гурьбой на улицу, еще все вместе стояли и, хохоча, рассказывали смешные истории.

VI

Катка не торопилась на маршрутку. Она знала, что дома ее никто не ждет. Муж на работе допоздна. Сына можно забирать из детсада в семь. Вечером при саде Сева посещал танцкласс, преподаватель была от него в восторге. Екатерина, прежде чем оставлять сына танцевать, посетила это занятие. Группа примерно из пятнадцати малышей одного возраста строго выполняла все указания педагога.

Мальчики и девочки, разбитые по парам, ровненько двигаясь, кружась и выделявая ножками и ручками замысловатые выкрутасы, вызывали в сердце столько умиления, что, глядя на них, Катка проплакала все занятие. «Как же все повторяется в жизни. Вот и мой малыш уже посещает танцевальный кружок, как и я в детстве», – думала она, стараясь скрыть слезы. «У меня тоже начались первые занятия в детском саду. Сколько мне было?.. Шесть... Да. Точно шесть», – вспоминала она. – «Пойдет в первый класс, и сразу отведу его и в музыкальную школу, как сама мечтала в детстве. Пусть у него будет то, чего не досталось мне когда-то, а дальше сам решит, нужно ему это будет, или нет. Хотя музыкальное образование никому не помешает. А еще хорошо было бы знать один из языков, лучше английский, тоже пригодится в жизни. Ох, не повезло тебе, мой золотой!» – усмехаясь своим мечтам, сквозь слезы размышляла Катя. В ней как в матери сочетались две противоречивые черты: порой безмерная строгость и безграничная любовь. За прошедшие три года этот ребенок, требующий постоянного внимания и днем, и ночью, забрал столько сил и так пошатнул нервную систему, что она готова была его занять чем угодно, только чтобы ему было интересно, и чтоб на уси-пуси был перерыв хотя бы на ночь.

Мальчику исполнилось всего три года, и из неусыпного крикуна он вдруг, как по взмаху волшебной палочки, превратился в послушного спокойного ребенка. Екатерина запомнила каждый день этой перемены. В течение всего одного месяца – апреля 1997 года, во время их отдыха в санатории матери и дитя в Сочи (каким-то чудом через Сашиных друзей эта путевка досталась им).

Сева стал спать не только ночью, но и днем, часа по три, ел без уговоров, начал говорить сразу предложениями и даже петь свою, на тот момент единственную песню про корову и молоко. Это был не просто перелом в жизни Катки-матери, это был толчок вперед. Теперь она могла свободно отдавать себя любимому делу.

VII

Екатерина спешила на обход в свою десятую палату. Понедельник, за выходные поступили три человека. Али куда-то пропал. Она бестолку прождала его целый час. В то время сотовой связи не было. Что с человеком случилось или не случилось, можно было узнать не сразу, а как Бог даст. Ждать уже не позволяло время. С извинениями она влетела в палату, всех поприветствовала и сначала задала общий вопрос:

– Как настроение в палате? За выходные никто не испортил?

В ответ она увидела улыбки и услышала доброжелательные отзывы о проведении выходных дней.

«Ну, слава Богу!» – пронеслось в мыслях.

У нее была женская палата, восемь коек, восемь пациенток разного возраста, с разными характерами, с различной степенью тяжести, опять – таки, «различных» заболеваний. Объединяло одно – болезни кардиологического профиля и масса сопутствующих заболеваний, о которых надо не просто помнить, а знать, как их подлечивать, чтобы не вызвать обострения и с их стороны тоже.

Обычная палата, как и всякая другая, требующая самого малого – косметического ремонта, на то страшное для страны время разрухи и разорения в сфере здравоохранения. Да и не только здравоохранения. Разрушено было вокруг все, вплоть до жизни бывших советских людей.

Но это была Каткина палата, и поэтому ее больные, как она твердо для себя решила, должны находиться в лучших условиях. Новенькая клеенка, принесенная из дома, украсила облезлый стол. Старенькая вазочка под цветы, которая здесь казалась совсем не старенькой, дополнила натюрморт. Новые шторы на окно, выпрошенные у сестры-хозяйки за коробку конфет, а также дополнительные одеяла (на улице не весна) и цветное белье придали уют и радовали глаз, что, по мнению Кати, способствовало быстрейшему улучшению состояния больных.

Она каждый день с удовольствием приходила на обходы (да-да, обходы, так как их было два, а по надобности, и три). Первый – утром до начала процедур, второй – после обеда, перед уходом врача домой. Так решила сама Екатерина, потому что считала это правильным. Ее пациенты считали так тоже, им было приятно чувствовать постоянную заботу о себе. Ее не пугали очереди для больных в физиотерапевтическое отделение на процедуры, очереди на нужные обследования или дополнительные консультации. Она даже не знала, как выглядят журналы записи больных на все эти манипуляции. Сначала вместе с Али («За качество лечения своих пациентов отвечаешь только ты, никому не доверяй свою работу», – однажды сказал он ей), потом уже сама, она приходила в нужные отделения и лично договаривалась с врачами о лечебных мероприятиях для своих больных. Екатерина всегда была твердо убеждена в том, что пациент не может ждать, и помощь должна быть оказана в полном объеме. И порой получалось так, что ее только что поступившие пациенты приглашались на процедуры раньше, чем больные из других палат, находившиеся в отделении более продолжительное время, а то и выписывались, не дождавшись, с указанием в рекомендациях пройти то-то и то-то по месту жительства. А в деревнях, где они жили, много ли было того или другого?

Вся ее стремительная деятельность вызывала и удивление, и некоторое негативное отношение к ней со стороны других врачей, на мнение которых она реагировала всегда одинаково:

– Вам никто не мешает делать так же, если вы захотите, – говорила она голосом, не терпящим возражений.

– Но у нас не хватает времени разгуливать по больнице и договариваться о каждом. Есть, в конце концов, запись, – недовольно разводили они руками.

– А если бы это был ваш родственник, для него тоже была бы запись? – невозмутимо продолжала она, обескураживая своими аргументами.

В коридоре ее частенько поджидали пациентки из других палат с просьбой, чтобы их перевели в 10. Здесь она ничего не могла сделать. Всегда помня о медицинской этике и не желая никого ущемлять еще и в этом, она вынуждена была только разводиться руками, а сердце в это время рвалось на части от жалости к ним.

Но каким-то чудесным образом после очередной выписки она встречала в своей палате самых настырных уже на втором обходе. Как выяснилось, проход был прорублен с помощью дежурных медсестер. Катя решила не обращать на это внимания. «Я не имею права указывать им и делать за это замечания. Пусть будет так, как они хотят», – думала она.

Жалобы на нее Игошину не приносили результата, так как сам Виктор Петрович был на ее стороне. А Али Хасанович, который теперь знал, что его палата в надежных руках, позволял себе и вовсе пропадать без предупреждения неизвестно куда.

Екатерина с болью в сердце относилась к каждому пациенту, стараясь для него сделать все необходимое, как для самого близкого человека. Она не только их лечила, она учила менять образ жизни, привычное питание, отношение к своей болезни. Твердо убежденная в том, что болезнь – это не только наказание, но и испытание для того, чтобы изменить в жизни то, что мы делаем неправильно, она не уставала повторять:

– Время нахождения здесь вам дано не зря. Вы должны осмыслить или свое поведение, или изменить что-то в своей жизни, проанализировав до мелочей каждый свой поступок. Мозг должен постоянно искать: обидели ли вы кого, или с кем-то поступили подло. Вы можете сами все исправить в своей жизни. Конечно, болезнь уже есть. Но наша с вами задача – загнать ее в такой угол, чтобы она как можно реже напоминала о себе или совсем потухла.

Больные женщины, годящиеся ей в матери, или бабушки, не перебивая, слушали ее. Передавая им свои мысли и знания, она, то с горечью, то с радостью в голосе давала надежду каждой, кто попадал к ней на лечение.

Екатерина всем сердцем верила в Бога, верила в то, что только он ее Спаситель, что никогда в жизни она не достигла бы того, что сейчас имеет. В их с мужем семью прочно было поставлено на первое место исполнение заповедей Божьих, а уж потом «законов человеческих», соблюдение всех четырех постов в год, которые они очень ждали, ощущая, сколько сил им дается в конце каждого. В их доме с каждым годом появлялось все больше и больше православной литературы, которую они не просто прочитывали, а изучали. От икон на стенах, многие из которых были приложены к мощам святых, тоже шла необыкновенная сила и радость. Она видела спасение у Бога не только для себя, но и для людей, которые обращаются к ней за помощью:

– Самим вам будет тяжело перестроиться или что-то изменить. Идите в храм. Только там вам дадут то, что попросите. Ибо нет большей силы, чем та, которую вы там найдете. И это будет самое правильное в вашей жизни, – вкладывая в каждое слово как можно больше участия, не переставала твердить Екатерина.

Ну ведь кто-нибудь из них должен ее услышать! Конечно, не все. Ведь слушать и слышать – разные вещи. Но как же ей было приятно видеть в храме (на то время, всего-то пара храмов в городе чудом были восстановлены) своих выписавшихся совсем недавно больных. При встрече они обнимались как родные. Она с улыбкой выслушивала их сбивчивые рассказы, сокрушенные переживания о том, что трудно попасть к ней на лечение в такое хорошее отделение, и всем говорила, что с декабря будет работать уже в первой городской больнице.

А осталось недолго! С тяжелым сердцем Екатерина представляла расставание со своими новыми друзьями и гнала, гнала от себя эти мысли. «У меня еще есть время, еще месяц. И какой месяц! Хочу как можно больше разноплановых больных. Больше работы – больше знаний», – размышляла она.

В таком интенсивном режиме работы и пациенты менялись быстро. Понятие о выполнении койко – дня будоражило заведующего отделения, а через него и всех остальных врачей. У Али с Екатериной с этой стороны не было никаких недочетов. Они были, как на производстве – передовиками.

Каждое утро после пятиминутки Екатерина спешила в палату. В это утро она спешила быстрее обычного. Дежурный врач отчитался о поступлении в ее палату тяжелой больной, перечислив целую кучу диагнозов и осложнений.

– Почему не в ПИТе? – строго спросил Игошин.

– Острого ничего не нашел. Запущенная хроническая ишемия миокарда, плюс сердечная недостаточность. В анамнезе сахарный диабет, сахар – 12, – отвертелся дежурный.

Еще во время пятиминутки уже созрел план действий. Обычная история болезни, мало ли таких – Павлова Тамара Павловна, 67 лет. Но! Место жительства город Серый. Память вернула детский сад, детский врачебный набор, который принадлежал только ей, не без помощи ее любимой воспитательницы. «Неужели она?» – Катьку захлестнула волна нетерпения.

Екатерина сразу узнала ее. Конечно, постаревшая, похудевшая. Она лежала на спине, закрывшись одеялом до подбородка, глядя, не отрываясь, в потолок, когда Катя вошла в палату. Все больные отреагировали на приход врача приветствиями, та только медленно пошевелилась под одеялом и опять замерла. Катька тихонько подошла к ее кровати и встала напротив:

– Здравствуйте, Тамара Павловна, – сдерживая слезы, произнесла она, сжав ладонями перед собой железную спинку кровати.

Взгляд воспитательницы с трудом сфокусировался на ней.

– Здравствуйте, доктор, – тихо ответила она. Нахмутив брови, она всматривалась в лицо подошедшей к ней молодой женщины в белом халате.

– Вот видите, как все бывает в жизни. Росла я, и со мной рос подаренный вами белый халат.

Тамара Павловна, напряглась и с еще большим усилием всматриваясь, решила приподняться в кровати.

– Вам нельзя вставать, – взяла себя в руки Екатерина.

Она подошла к ней ближе и присела на край кровати, нашла ее руку под одеялом. Сколько прошло времени? 26 лет. Даже самый памятьливый едва ли вспомнит.

Рука была вся морщинистая, с выпуклыми венами. Катька сжала ее обеими ладонями.

– Я Катя Бондарь, вы должны помнить меня... 1972 год... Я хотела быть врачом, а вы подарили мне..., – Катька не договорила.

Рука в ее ладонях дрогнула, с силой сжала ее ладонь и по лицу Тамары Павловны, вдруг, градом покатались слезы. Екатерина гладила ее руку и сама промокала платком свои глаза. Потом этим же платком стала вытирать лицо воспитательницы, успокаивая ее и заодно себя.

Когда они немного пришли в себя и перевели дыхание, увидели, что все женщины на койках тихо плакали вместе с ними.

«Хорошо, что Али куда-то пропал», – пронеслось в мыслях.

Через три часа Екатерину уже искали по отделению – обход удался на славу.

Уже через два дня Екатерина назначила повторные анализы Тамаре Павловне. Та уже вставала, отеки почти ушли, боль в сердце не беспокоила, сахар был на нормальных цифрах. Впереди предстояло полное обследование. До самой выписки они не могли наговориться, как близкие родственники после долгой разлуки, прячась по уголкам отделения, чтобы им никто не мешал. Воспитательница внимательно слушала о трудностях Кати в пути к врачебной деятельности, плача и смеясь вместе с ней.

Тамара Павловна своими рассказами подняла авторитет Кати в отделении еще больше. Больные из других палат с улыбками дружно приветствовали ее при встрече, чем очень смущали.

Катькино сердце ликовало от радости, которую она находила в своей работе. «Невозможно, как хорошо, – часто думала Екатерина, – разве можно такую радость назвать работой? Для меня это всегда будет образом жизни».

Но образ жизни имеет способность со временем меняться. Дружеская поддержка Игошина и коллег скоро будет далеко. Скоро она останется одна, в чужой для нее больнице наедине с больными, поэтому надо изо всех сил набирать больше знаний и впитывать, впитывать всю нужную информацию.

Никто из молодых дарований и понятия не имел, в какое трудное для всех людей время придется им работать. О частной медицине или своей клинике мечтали все, обсуждая, кто, как и где смог бы применить свои знания и с чего начать врачебную деятельность. Как-то опытный Виктор Петрович, выслушав всех, громко объявил:

– Ни у кого из вас не будет своего медицинского центра.

Потом секунду помолчал и пристально посмотрел на Катю:

– А у тебя, Фаворская, будет. Будет, девочка, несмотря ни на что, – он улыбнулся.

Катю смущенно посмотрела на него, не зная, что ответить.

– И я бы, может, помог бы тебе, – продолжил он, – но не буду. Только потому... – он выдержал паузу, – что я уверен – ты с этим справишься сама.

Все молча смотрели на Катю.

Не ожидая услышать эти слова от самого Игошина, она обвела глазами всех присутствующих и пожала плечами. Потом с благодарностью посмотрела ему в глаза и выжала из себя под общее молчание:

– Спасибо вам, Виктор Петрович, за доверие.

– Так мне-то за что спасибо? Это тебе за твою настырность и терпение.

Провожали Екатерину всем отделением.

Тамара Павловна, оставив ей свой адрес и телефоны, в полном здравии и с кучей рекомендаций на полгода вперед уехала в далекий Серый.

Как во сне Екатерина поднимала бокал за бокалом, выслушивая многочисленные тосты за успехи на новом рабочем месте, пожелания иметь такой же дружный коллектив, не забывать их, чаще приезжать и т.д.

Виктор Петрович с сожалением поглядывал в Катюину сторону. Сколотив мощный костяк из красавиц-умниц ординаторов, он сейчас выпускал первую на волю, и сердце его сжималось от предстоящей потери. У него впервые была такая сильная группа. Мощный, умный, решительный Игошин был для Екатерины образцом и примером. Он гордился успехами своих учениц, как своими, переживая за каждую. И, конечно же, все друг за другом когда-то уйдут в свой жизненный путь, но как бы хотелось, чтобы время не было таким неумолимо быстрым.

Прощались со слезами на глазах, обнимая и целуя друг друга. В последнюю очередь она протянула руку своему руководителю:

– Я никогда – никогда, – глядя ему в глаза, сглотнув слюну, всхлипнула Катя, – никогда... вас не забуду. Разрешите мне приезжать сюда. – Она перевела дыхание. – У меня возникнет много вопросов, когда я останусь одна.

Он смотрел на нее с грустной улыбкой:

– Вы мне очень нравитесь, Екатерина Владимировна. И приезжать, и звонить мне вы можете в любое удобное для вас время. Я не просто буду рад вас видеть и слышать, а буду очень рад... Всегда. Поверьте мне.

Она обняла его и поцеловала в обе щеки три раза.

Дружной толпой, поддерживая друг друга анекдотами и смешными рассказами, компания вывалилась на улицу. Отъезжая от больницы, Екатерина долго махала им рукой, обливаясь слезами. Они тоже махали ей в след, не расходясь до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

VIII

В первой больнице ее никто не ждал. Весть о том, что к ним пришел работать кардиолог, никого не повергла в радостные восторги. Заведующая поликлиники вызвала работающую уже несколько лет кардиолога Строгину Елену Ивановну и представила ей нового специалиста, предложив посадить ее в свой кабинет. На что Строгина, удивленно оглядывая непонятно

откуда взявшуюся коллегу, очень мягко возразила, что кабинет уже занят ревматологом, и расписание не позволяет посадить к ним еще кого-либо. Тогда Галина Николаевна решила передать полномочия определения нового работника старшим терапевтам. Старшие терапевты, в кабинет к которым влетела воодушевленная Екатерина, смотрели на нее с недоумением. Вопрос, в какой из кабинетов посадить молодого специалиста, оказался для всех из разряда повышенной сложности. В конце концов, через час бесполезных поисков Екатерину засунули в один из кабинетов участковых терапевтов в окно между их приемами. Не успела она подготовиться к приему, как в дверь уже постучали. Новость о приеме еще одного кардиолога разнеслась по поликлинике, и находчивые пациенты быстро соорудили живую очередь, заняв свободные стулья в коридоре перед ее кабинетом.

Работа «закипела». Но закипела не бурлением, как кипятик на большом огне, а медленным «сладким джемообразным подкипанием». Екатерина, наученная в стационаре досконально осматривать больного по всем системам, тщательно выписывая направления на анализы и процедуры, тратила на каждого из них минут по сорок.

Уже через два часа измученные ожиданием пациенты стали по очереди открывать дверь в ее кабинет с вопросами: не собралась ли она вести прием до ночи? Некоторые стали уходить, выплескивая из себя на ходу ругательства. Вспотевшая от перенапряжения, Катя прикладывала все силы для ускорения процесса осмотра, но продолжала все равно делать все по правилам, как учили.

За все положенные пять часов приема она смогла осмотреть всего восемь человек. Казалось бы, почти заполнила свою палату. Но! Это не стационар. Екатерина шла домой полностью обессиленная от первого трудового дня и понимала, понимала – ярко, беспощадно к себе, что не вписывается со своим режимом работы в амбулаторно-поликлинический прием. Сегодня пострадали не только пациенты, но и она сама. Этот ее первый день кардиологической практики надо запомнить на всю жизнь и менять, изменять алгоритм действий. Но как? Уставший мозг отказывался шевелиться и придумывать что-то новое.

На следующее утро повторилось то же самое. А через несколько дней на нее посыпались жалобы не только со стороны пациентов, но и от загруженных ее направлениями врачей из физиокабинета, лаборатории и других узких специалистов.

Мудрая Фомина, старший терапевт подразделения, к которому прикрепили Екатерину, смотрела на нее с участием и сожалением:

– Поймите, девочка моя, я вижу ваше стремление и знаю, что из вас получится очень хороший доктор. Я прожила долгую жизнь и могу отличить настоящее от пустого. Вы послушайте меня внимательно. – Она перевела дыхание. – Вам необходимо многое перестроить в своей работе. Те анализы и процедуры, которые вы назначаете своим больным, может, и нужны им, но база нашей больницы не сможет их обеспечить. Я вам советую посетить те кабинеты, куда вы направляете своих пациентов. Диагностические возможности нашей больницы в корне отличаются от тех, где вы проходили обучение.

Екатерина понимала, что Антонина Александровна права. И как это она сама не могла догадаться!

– Вы больше спрашивайте. Не сидите одна со своими вопросами, – продолжала она. – Мы для вас освободили кабинет №23 на первом этаже в левом крыле. Пусть далеко, но там будет свободнее. Никто не будет подгонять. И еще, – она помолчала, глядя с улыбкой на притихшую Екатерину, – на прием одного больного вам дано всего 20 минут времени. Научитесь укладываться в эти рамки, и тогда все наладится.

Екатерина смотрела на нее с благодарностью: «Вот бы все старшие терапевты рассуждали так».

Она вспомнила случай, когда не могла определиться с диагнозом и обратилась за помощью к Михееву Дмитрию Юрьевичу (тоже старшему терапевту одного из подразделений) и

даже остолбенела от его категоричного ответа: «Екатерина Владимировна, мы вас взяли для того, чтобы у вас спрашивать. А вы все норовите у нас что-то узнать», – невозмутимым монотонным голосом провозгласил он и отвернулся от нее.

Екатерина помнит, как вышла тогда из его кабинета, со стыдом глядя в глаза проходившим мимо нее коллегам, с которыми коротко здоровалась (она никого не знала, и ее никто не знал тоже) и быстро шла к своему кабинету, чтобы спрятаться там. После этого случая перед каждым приемом она размещала рядом с собой большой чистый лист бумаги, на котором записывала непонятные для нее лечебные и диагностические моменты. А вечером названивала Игошину, и он старательно объяснял ей каждую проблему, давая мудрые советы по каждому вопросу.

Пришло время зарплаты. Екатерину вызвали к главному врачу:

– Вы помните о нашем уговоре? – Почти шепотом обратилась к ней Шапкина.

– Вы о пожертвовании в пользу больницы? – Вспомнила разговор Катя. – Конечно. Я готова. Как мне это сделать?

– Вы сейчас пойдете в бухгалтерию, и вам там все расскажут.

Екатерина вышла из кабинета и направилась в сторону кассы, проходя мимо которой она увидела, что как по волшебству опустилось закрытое окошечко, и голос из него позвал ее к себе. Екатерина направилась на звавший ее голос. В окошечке она увидела улыбающееся лицо женщины средних лет, которая протянула ей на подпись несколько уже заполненных бланков. Не подозревая ничего необычного, Катя расписалась на всех листках, где стояла галочка, и протянула их назад улыбающейся женщине, даже не запомнив цифры, под которыми поставила подписи. Она хотела было повернуть назад, как голос, вдруг, остановил ее:

– А деньги? Вы должны получить всю сумму.

– Зачем? Я эти деньги оставляю на пожертвование.

– Вы их должны сначала получить, а уж потом оставить, – ответил невозмутимый улыбающийся голос.

Из окошечка стали появляться упакованные в пачки деньги. Катька сначала накладывала их на ладонь левой руки. Когда вместимость ладони иссякла, она прижала руку к животу и уже осторожно просовывала их в пространство между рукой и животом. Когда свободного места не осталось и там, она завернула блузку, и приговаривая: «ох уж эта инфляция», стала заполнять подол блузки. Когда экзекуция получения зарплаты закончилась, окошечко медленно закрылось, и Екатерина осталась наедине со всем своим «добром». Недолго думая, она направилась к кабинету главного врача, на ходу поднимая падающие пачки, и молча минуя удивленного секретаря, ногой открыла дверь Ольги Ивановны и высыпала все это «добро» ей на стол. Шапкина резко вскочила, и едва сдерживая себя, заверещала:

– Куда? Зачем? Почему ко мне?

Катька пожала плечами:

– А куда? Мне выдали и закрыли окно, – правдиво рассказала она.

Ольга Ивановна схватилась за трубку телефона и рывкнула в нее, чтобы весь этот процесс прошел без ее участия. Затем, еле сдерживая свои эмоции, она обратилась к «жиряфистой» Екатерине:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.